

Огни Кузбасса

№ 3 / 2013

**Василий
КИСЕЛЁВ**

АФГАНСКОЕ СОЛНЦЕ*
Поэтическое повествование

Василий Киселев предложил «Огням Кузбасса» цикл стихотворений, который похож на огромный природный не очень гладко отесанный валун, лежащий где-то в Пространстве и Времени: то ли в самом его центре, то ли на задворках. Ну, а поскольку у Пространства и Времени нет ни центра, ни задворок, то этот валун Киселева лежит везде, куда ни глянь - и рядом, и вдали, и в памяти. Потому что этот валун об афганской войне, участником которой довелось быть автору, проходя службу в Армии в 1980-1982 годах. Служил он в Баграме. Ушел рядовым. Вернулся сержантом. С тех пор Афганистан в нем навсегда. Он ушел из Афганистана. А Афганистан из него не ушел.

Эхо этой войны будет долго отзываться в сердцах не только ее участников, но и тех, кто живет рядом с ними. А у нас рядом с ними живет вся страна. Поэтому и неотесанный афганский валун везде. В разговорах, в поговорках, в фольклоре, в авторских стихах и прозе, в нормативной и ненормативной лексике.

Неотесанность фольклора, особенно устного народного творчества - дело естественное, понятное и даже иногда приятное уху и глазу. Потому что именно в этих колдобинах, выбоинах, буграх неотесанности таится поэзия. В колдобинах и буграх авторских текстов таится то же самое. Но порой рука тянется — отесать авторский валун. Но, слава Богу, включается душа и говорит: начнешь отесывать, приглаживать, очищать - вычистишь поэзию. Пусть будет так, как есть. Со всеми достоинствами и как бы недостатками, в которых видна и слышна яркая и тусклая, красивая и неказистая поэзия нашего трагического времени.

Иосиф Куралов

*Маме моей,
Киселевой Валентине Никифоровне,
посвящаю...*

ПРОЛОГ

*Бал выпускной – до утра! Над сельсоветом – знамя!
Не ведал я горечь утрат и про «Груз 200» не знал я.
Прощайте, друзья и школа! Шахты! Холмы! Бараки!
С отрубленной напроць башкою, валялся в канаве
Тараки...*

*Мечтал я учиться, работать! В прошлом –
«Зарница» - игра...
«Транспортники» в злом хороводе садились
на базу Баграм
В дорогу положит Соня – хлеб, кабачкову икру.
Шмаляли навскид по босоте парни из ГРУ.*

*Пухом село запорошено... Песни на УКВ...
«Нет ничего невозможного для воинов ВДВ!..»
Детство промчалось стрелой – будто арабский
скакун!
– Вася! Хватить филонить! А где это, город
Кабул?*

КИСЕЛЁВ Василий Иванович родился в 1960 году в поселке Краснобродский, Беловского района, Кемеровской области. Окончив школу, уехал в Новосибирск, где учился и работал на Новосибирском заводе полупроводникового производства. Посещал заводскую литературную студию. В 1980 году был призван в ряды Советской Армии. Служил в Афганистане. После демобилизации вернулся в Кузбасс. Работал радиомехаником, водителем, агентом по снабжению. Печатался в местных периодических изданиях, альманахах, журналах «Огни Кузбасса», «Бег». Участник II, III, IV Всекузбасских Фестивалей поэзии в Ленинске-Кузнецком. С 1998 года по настоящее время работает в строительной компании. Руководитель литстудии «Северное Сияние» поселка Краснобродский.

* Журнальный вариант

К звездам летели души! Мама шептала: – Аминь.
– Гуляем! – с восточным радушьем, гостей
принимал Амин.

– Васятка, ты просто затворник! Я –
твой спасательный круг.
Щелкали лихо затворами парни из ГРУ.

Дороги для Счастья открыты! Слава Народу –
Творцу!

В крови, опрокинув корыто, метался Амин
по дворцу...

А Соня цветет! Невеста! Картошки полны
закрома!

Наутро вручал мне повестку местный
военкомат.

В дорогу положит мама – яиц, сальца полкило.
Не знал я о «Черных Тюльпанах». Я горы-то
видел в кино.

Северный ветер осенний с листьями пляшет
канкан.

Нет, в Персии не был Есенин... И там,
где-то рядом – Афган.

Напутствия речи гремели! Прощание будет
недолгим.

Старцы больные в Кремле, нас называли –
«Долгом...»

1. ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Снег!.. А мне казалось – облетают cherry!
И Амур-повеса – нас хотел вальнуть.
Собирались старцы Тайною Вечерей,
Затевали старцы – Новую Войну...

Каждый разглагольствовал, – круче, чем Чечерин.
Приводились доводы – Силы и Ружья...
Друг мой! – после этой самой вот Вечери
Заживо сгорели все мои друзья...

– Да вы что, с ума там походили, черти!
Ну зачем нужна вам – Горная Страна?
...Усмехалась нагло глупая Вечеря –
И мой Голос Разума – здесь не проканал...

Мы для них лишь винтики, хуже быдла, черни.
Но не по душе мне был такой расклад.
Боги!... Покарайте молнией Вечерю!
Но вручала Родина в руки автомат.

...Листья дней призыва – истончили черви.
Стало лучшей музыкой – мне затвора «Клацк».

Друг мой! – если б не было этой вот Вечери,
Сын пошел бы в школу... где-то в первый класс.

Этот штука драный – этот янки Чейни –
Каждому афганцу «Стингер» подарил.
... Снились дом, сад, мама, молочко, печенье,
Яблочки из сада – Ешь, сын, витамин!..

Над моей могилой – ярких звезд свечение...
В Сентябре, в России – хлещет звездопад!
Вот бы взять дубину – разогнать Вечерю!
Но Судьбину злую не вернуть назад...

В Кандагаре
В Кандагаре, в Кандагаре
Были мы в хмельном угаре,
Я письмо строчил Тамаре,
Врал безбожно обо всем...

В Кандагаре, в Кандагаре
Мы летали как Икары
И как Зевсы слали кару –
«Духам!»! С неба! Так, Васек?

В Кандагаре, в Кандагаре
Подмигнули очи кари ...
Ах, Кариночка в ударе!
Да и я был - «хлопец гарн».

113 В Кандагаре, в Кандагаре
Могут шлепнуть по запаре,
Только ты не парься паря,
Скоро в отпуск в Абакан...

В Кандагаре, в Кандагаре,
Наши лица все в загаре...
Скажет мне с укором Гарик:
«Что ж ты Саню не сберёг?»

В Кандагаре, в Кандагаре,
От утрат на сердце камень...
Спирт заплещется в стакане:
«За Санька! Давай, Серёг!»

В Кандагаре, в Кандагаре
Снилась роща мне нагая
И над юностью кругами
Вороньё кружило: «КАРРРР...Р!»

В Кандагаре, в Кандагаре
Пахло смертью, пахло гарью...
Так зачем ты хочешь, парень,
Вновь вернуться в Кандагар?

ПИСЬМА СОНИ

«Нет, нет, ты не Остров!»
И колокол в сердце бил ночью бессонной
О доме, где мирно, уютно и просто.
А в небе смеётся сибирское Солнце.

А здесь - хлеб войны до безумия солон.
(Но рад и такому - другого ведь нету...)
Мне кожу дубило афганское Солнце –
А снились снега, Томь-река и рассветы.

Мы были, брат, частью Материка,
Который зовется Советской Империей!
Ночами шмалял в нас седой старикан:
«Аллах акбар!» - в душлага окна, и двери!

В далеком краю, в тридесятном из царств,
Мне письма писала красавица Соня...
И я их хранил, разрезав матрац,
И знал наизусть как любимые зонги.

А Соня писала из жаркого лета:
«Вчера ворожили с подружкой Светой ...
Пора поступать... купила билеты...
Ну, почему ты такой безответный?»

Ах, молодость! - все-то ей, брат, нипочем.
Я горько шутил, от жажды иссохнув.
Короткими бил, болело плечо.
Слепило глаза мне афганское солнце.

Что было потом? – у хирурга спроси.
И мне вспоминать больше нету резона.
А ветер, как цензор! - листал, уносил
Наивные письма красавицы Сони...

РУССКИЙ ВЕТЕР

Русский ветер прилетит на заре.
Как я рад ему, здесь в душном Газни!
Принесет дыханье спящих царевн,
Принесет приветы мамы, родни...

Принесет он запах сжатых полей.
(Их укрыл до весны снежный наст.)
Эх, окликнуть бы Ивана: «Налей!»,
Да пустые, брат, фляги у нас.

Русский ветер – мой надежнейший друг.
Я его когда-то пил, как «Боржом».
Я любил январь, холод вьюг,
А теперь вот, солнцем в дым обожжен.

Русский ветер с моих детства холмов,
Как устал он, пока долетел.
Замотать бы мне очи чалмой,
Окунуться б в родную метель.

У солдата, брат, простая судьба:
Есть приказ – и все за нас решено,
«Духи» взвизгнут: «Аллаха Акбар!»,
И «Калаш» расколет вдрызг тишину.

Русский ветер мне зашепчет: - Постой,
Дай тебя напослед обниму!..
Мы с Егором спиртяги - по сто,
Враз утопим тоску, как Муму!

Покачнется надо мною лазурь,
Память сердце будет ночью казнить...
Мы как будто бы соринка в глазу.
В этом чертовом, ихнем Газни.

Русский ветер мне напомнит о той,
Что на свете давно уже нет.
Юра булькнет спиртяги глоток:
«За Союз! За Сибирь! И за снег!»

(А в Сибири, брат, снегов намело!
Черный ворон закружил над селом.
А в глазах у мамы – горе и грусть...
- Я вернусь, мам, в апреле. – ВЕРНУСЬ!)

Русский ветер (в нем плачь Ярославн)
Тихо скажет: - Я тебя сберегу.
Шевелюра моя отросла...
- Ну, давай-ка за дембель, Сергун!

Серый скинет сапог: - Ой-ля-ля!
Дембельнемся мы скоро с тобой.
Русский ветер будет долго гулять,
Над моей непутевой Судьбой...

КОРЕФАН АНДРЮША

- Эх, сейчас ништяк бы, полежать на пляже!
- Я бы пиво выпил - слышу треп ребят.
Корефан Андрюша скрутит горло фляжки:
- Два глотка, не больше, - скажет, – для тебя!

Разразись грозую, злого неба синька!
Вспомнится, некстати, говор Томь-реки.
Я был из Белово, он из Минусинска,
В общем-то, как братья... Круче! Земляки!

Мы решали вместе той весной задачи.
Воевать толково - тоже, брат, талант.
Нас судьба хранила. Рядом шла удача.
И терлим к неверным был их Бог - Аллах.

Мы в огне кромешном находили броды,
А в часы затишья пели «Журавли» ...
Но: «Отставить песни! - грозно скажет ротный, -
Хватит ностальгировать! Братья-журавли!»

- С такою хваткою, мы б разбили Роммеля,
Где-то за неделю! - Стас невыносим...
Корефан Андрюша - юн, красив и скромн,
Строен и подтянут. В отпуск!.. В Минусинск!..

Не нужна валюта и «добро» ОВИРа,
Песнею прощальной струны зазвонят.
Как я рад за друга! Как ему завидовал!..
(За семью морями - отпуск для меня...)

Но Злой Рок не спросит про твои расклады
И его не спрячешь, скажем, на «губу».
Я стоял небритый, хмурый и помятый,
В ноль часов по-местному покидал Кабул.

А через неделю, принесли мне вести
(Небушко с овчинку стало надо мной):
«Корефан Андрюша твой... стал.., стал грузом 200 -
Слишком уж неравным был у них тот бой...»

Мама напечет ему с молочком оладий
А почуяв СТРАШНОЕ - станет голосить...
Мой дружок Андрюша в цинковом бушлате
За сто дней до дембеля прибыл... в Минусинск...

СОЛДАТКА СОНЯ

У солдатки Сони - грустные глаза.
У солдатки Сони - ватник весь в снегу!
Нежных слов прощанья я ей не сказал,
Расставались наспех... Утром... На бегу...

У солдатки Сони - две звезды в окне!
У солдатки Сони - умный рыжий кот.
А папаша Сони топит грусть в вине
И его загулы делятся круглый год!

На солдатке Соне - братик и сестра...
Обживает мать ее сельский наш погост...
А я жру лепешки чужедальних стран.
Сонина собака прячет в будке кость.

У солдатки Сони множество забот:
Приготовить ужин, дров, угля, воды...

Мне чужое солнце жжет огнем сапог.
«Вань! Отдай-ка воду, слышишь? - молодым!..»

А в Сибири осень. Неулыбчив день.
(Надо у соседки соли попросить.)
На лицо солдатки набегаем тень:
«Дед опять нажрался... Дрыхнет, паразит!»

У солдатки Сони - радость есть одна
Написать сегодня мне в Афган письмо.
А я пью спиртягу - залпом! И до дна!
- Саны! Давай, возьмем-ка, «духов» на измор!

Засыпает Соня, сидя за столом.
Ручка с черной пастой валится из рук...
Мы идем в ущелье нагло, напролом!
И стервятник в небе резко сузил круг...

Соня на заочный хочет в универ.
Ей седые вьюги занесли крыльцо...
«Федь, давай устроим «духам» фейерверк!
Угостим их вволю, матом и свинцом!»

А почтовый ящик запорошил снег.
Хмурая цензура лапает конверт...
Кому ляжет карта здесь залечь на век,
Знает лишь стервятник... «Срежь его, Альберт!»

775 Снится Соне УЖАС! Нехороший сон
Будто я вернулся весь седой, сожжен...
- Ша! Прикройте спину Вовчик и Резо,
Я за Жеку-кореша не отдал должок!

Соня врубит «Sony», там поет Дассен...
В комнате - порядок... В мыслях - ералаш!
- Эй, вы, мохнорылые! Принимай презент!
Вам свинцовых птенчиков дарит мой «Калаш»!

У солдатки Сони - кругом голова!
На щеках у Сони - черные круги...
Засыпает снегом черный котлован
И качает звезды круговерть пурги...

ПОЛЕТ ВАЛЬКИРИЙ

Знаю, ты отдыхаешь сейчас на Бали.
Ешь салаты из крабов, ананасы и киви,
А у нас здесь, любимая, за боями бои,
Громкий стрекот «вертушек», как полеты
Валькирий.

Океан - ее тело водкою омой!
Пусть она позабудет о каком-то Василии...

Что есть ревность пред ликом смерти самой,
Пред опасным полетом наших грозных Валькирий?

Солнце, ровный загар ей, прошу я, даруй.
Ветры, чтоб не озябла, одеяло накиньте.
Как прекрасна она в свете радужных струй!
Мы когда-то купались с ней в море... Нагие...

И пригрезятся мне те далекие дни,
Где пророчил нам счастье диковинный Сирин...
От винта надо мною вальсирует нимб,
Словно к Лику Святых причисляя Россию!

Мохнорылому «духу» стингер – брат, и до фени,
Что я в мыслях с тобою пью холодный дайкири.
Дай-то Бог нам воскреснуть, как сказочный феникс
Из ночного полета, мечь несущих Валькирий!..

ЧУЖОЕ НЕБО

А в небе чужом было мне неуютно,
Смерть важно ходила по нашей кабине.
В зеленых глазах санинструктора Юли
Лежал, отражаясь, «двухсотый» Тропинин.

Да. Дело-то, ШВАХ! В небесах безотрадных
Мы были для «духов», ну просто на блюде.
Нас ждали в Баграме серьезные люди,
Два шанса из ста – что вернемся обратно.

А Леша Тропинин молил нас: «Быстрей!»
Его уж заждались на сельском погосте
Березки и вербы... и ветер-пострел...
Я губы кусал от обиды и злости...

О, небо чужое Я – пасынок твой,
И сын многоликой Великой Империи!
Там, в мае, от яблонь буянном и пенном
Я рос на потребу нелепой из войн.

Читал Братьев Гримм и Шарля Перро,
Крутил в нашем клубе на танцах пластинки.
Казалось мне, жизнь - это сладкий пирог.
Теперь он горчит... В перекрестие «стингера».

Плевать мне на смерть. На пули-дробины.
Мне ящик из цинка еще не заказан.
«Быстрее!.. Быстрее!..» - шептал нам Тропинин,
И просьба Алеши – важнее приказа...

И в синьке чужой было мне так тоскливо.
И смерть заводила со мной свои шашни.
На Родине – осень. И теплые ливни.
А я здесь иссох от жары и от жажды.

В душе моей - тяжесть утрат. Гроздья гнева.
(А, Юльки глаза – так печальны и строги.)
Мне Жизнь сохранило афганское небо,
Чтоб сто лет спустя я писал эти строки.

ПЕРВАЯ ДЕВОЧКА

Первая девочка. Осень. И клёны пылали.
Я тебя выдумал. Кто ты? И как тебя звали?
Помнишь, с тобою мы в лес убегали с уроков?
Тайну об этом недолго хранили сороки.

Был я смешным и наивным. Таким неумелым!
(А у тебя юбочка вся перепачкана мелом...)
Первая девочка губки в обиде надула.
Всё это было давно! Ещё до Кабула...

Ну, а потом: МАТЬ-ПЕРЕМАТЬ! ГОРЯТ БЕНЗОВОЗЫ!
(А в лазарете мне снились свидания в осень...)
Первая девочка - фотка на тумбочке в раме.
Как это было давно! Ещё до Баграма...

-Хватит, браток, ну, опять ты о ней. Ну, не парься!
Первая девочка кружиться в свадебном вальсе.
Писем не шлёт. И напрасны мои ожидания.
О, это было давно! Ещё до Шинданда...

116 Первая девочка, как мы с тобой разминулись?
Глянец альбома - воскреснет армейская юность.
Я - справа третий (франт попоухий в панаме)...
Солнце нещадное встало в зените над нами...

Первая девочка. Снег нынче валит и валит.
Я тебя выдумал... Где ты? И как тебя звали?
Помнишь, смеялось над нами осеннее небо?
Память мою засыпает декабрьским снегом.
Сердце моё укрывает нетающим снегом.
Кружат и кружат над Родиной белые снеги...

В БЕЛОМ ЛАЗАРЕТЕ

В Белом Лазарете, где лежат годами,
Юная сестричка верила в меня.
Мне жить не хотелось... Был на сердце камень..
Бредил я... Судьбину клял и обвинял...

В Белом Лазарете, где лежат годами,
Ольга Анатольевна, ставя промедол,
Пела Песнь о Доме, где нарядны ставни,
Где в июле вечером воздух свеж, медов.

В Белом Лазарете, где лежат годами,
Мне заместо дома – жёсткая кровать.

Спал я очень плохо. Ездил на каталке.
И бывал рассвет мой снежен и кровав.

В Белом Лазарете, где лежат годами,
Оля мне читала Байрона стихи.
И над нами в небе громы грохотали.
Я мечтал подняться. Метил в женихи.

Хорошо жилось мне в этом лазарете!
Я из одуванчиков Оле плёл венки.
Наплевав на гордость, сплетни и запреты,
Приносила Оля фрукты и вино.

Как в раю небесном – было в Лазарете!
Но однажды утром, рано на заре,
Я бежал оттуда... Ша, Обитель Смерти!
Прощевай навеки Вечный Лазарет!..

Прощевайте, горе, беды и печали!
Поезд мой вздымает снег российских вёрст.
Ольга Анатольевна плакала ночами...
Оля, разве стою я ваших светлых слез?

...С той поры промчалось лет, наверно, тридцать.
Я – душою молод, телом – постарел.
Отчего же, друг мой, стал мне часто сниться
В золоте рассвета – Белый Лазарет?

И сквозь вьюги холод кто-то мне долдонит:
«Поздно – извиняться, поздно – извинять...»
Оля Анатольевна, спой мне Песнь о Доме
С крашеными ставнями, где так ждут меня!

Сны о далеком... Несбыточном...
Мне в Кандагаре – как в пыточной!
Тягостно. Я издерган.
Сны о Далеком... Несбыточном...
Явь мне заменят надолго.

Пусть моя жизнь – убыточна.
Радость с судьбой – разминувшись.
Сны о далеком... Несбыточном...
Вновь воскрешают юность.

Домик, пургой занесенный,
Мамин, в морозной тиши.
Кажется, сказкой веселой
Наша гражданская жизнь.

Там, кружит в вальсе Лидочка,
Душу надеждою теша.
Сны о далеком... Несбыточном...
Вот, что меня здесь держит.

Тонкою связан ниточкой
Я с отшумевшей весною.
Сны о далеком... Несбыточном...
Праздник. Всегда со мною.

«Съешь шоколада плиточку,
И позабудь про Газни.»
Сны о далеком... Несбыточном...
Будто бы письма родни.

«Лида румяна, как пышечка!
Вспомню, и станет теплой!»
Сны о далеком, несбывшемся,
Памяти сладкий плен.

Там снегири на ветках,
Вербы в апреле цветут.
Там, мне неведомы беды,
Там я душою... А тут:
«Ну, порезвимся, буцыги!
Фишки чужих забав!»
Привкус проклятого цинка
Солью навяз в зубах.

Эх, счас бы – вальс! Да с Лидочкой!
Да переплыть Тобол!
Сны о далеком, несбыточном –
Сердца солдатского Боль...

177

КАРУСЕЛИ

Синих метелей чудны карусели!
Кружит и кружит тебя и меня.
Не на коней, а в сугроб мы уселись.
Кот, испугавшись, куда-то слинял.
Зимних каникул святые денёчки!
Не было в мире счастливее детства!
Красные щёки. Ясные очи.
Робкие чувства ребячьих сердец.

Недолго кружили мои карусели,
Судьба била дробью в тугой барабан.
Кровавым бураном, свинцовой метелью
Нас встретил, мальчишек, – суровый Афган!
Кружили «вертушки», слетевши с катушек,
И ротный кричал: «Ни шагу назад!..»
Пылали машины... Дым... Было так душно,
Что друг мой заметил: «Браток – это ад!»
Но мы воскресали из Ада – Орфеи!
Нам всё нипочём и, как с гуся вода...
Ремарка просил рядовой Ерофеев:
Мол, дай почитать. Приеду – отдам...
Но он никуда уже не приехал...
Машина горела свечой в Рождество,

Металось в горах, обезумевши, эхо,
Искал упоенья «Калашника» ствол.

Эх! Всех мать-перемать! Желторотые птицы!
Какой ветер занёс вас на поле войны?!
Вам бы в парках гулять, да в девчонок влюбиться,
А не быть удобрением для этой страны!
Никогда не взойдёт, в прах сгоревшее семя...
«Духи» - АМБА!!! Вас приветствует АК-мом Кисель!
О, вы, Боги! Прошу: Тормозните же, Землю!
Я сойду. Не по нраву мне её карусель.
И пускай Ангелы Смерти надо мной хороводят,
И подмоги не будет, хоть зови не зови ...
В моей памяти вечно - Ерофеев Володя
Между адом и раем гонит свой грузовик...

В доме моём осень захлопает ставней
И сердце покличет, туда, в Кандагар...
Но время прикрикнет на память: Отставить!
А в мыслях: Друзья... Лето... Юность... Афган...
(- Нет, Вась, дембельнёмся – поехали к нам!)
(- А книгу возьму я... Приеду – отдам...)
Я с сыном иду по осеннему парку:
– Пап, пап. Я хочу вон на ту карусель.
На книжном развале куплю я Ремарка
И вновь, как тогда, «от сель – и до сель»!
А сын, оседлавши кота Котофеича
Кричит от восторга: Быстрее! Быстрее!
...Прислала письмо мне мать Ерофеева:
«Приедь на Покров... У сынка – юбилей...»

ВИТЮША КРАВЧЕНКО

Кипр... Цветение мая... Я пью вино у кассы...
И после пятой выпитой, видится мне мираж:
Шибздик Витюша Кравченко, плюнув на букву приказа,
Тащит, кряхтя, с поля боя - раненого меня...

Где ты, Витюша Кравченко? Чокнув
«Столичной» сотку,
Мы бы прошлись по былому — вихрем
былых погонь!
В сердце моем – вина. Колется хлеще осота.
Торкает по ночам. Я потерял покой.

«Где ты, Витюша Кравченко?» – вторит мой
друг Никифор.
Я засолил тебе сало, брызжет сквозь крышку
рассол.
Помнишь, мечтали когда-то: «Братцы,
махнем-ка на Кипр!
Если и есть рай на свете – это, точняк,
Лимассол!»

А в Лимассоле юных Ассолей
Сонм! Пожалеешь, что не султан...
Вспомню друзей я... Девушку Соню...
И закричу в миражи... В никуда:

– Встаньте, ефрейтор Кравченко!
Все Вас считают – Героем!
Я награждаю Вас – Морем! Солнцем! Вином!
Тишиной!
Слышишь, вон там, Витюша, где-то за той
горюю,
Стрекот «Вертушек» и, значит, ждут нас
на борт с тобой...

Думы о той войне душу возьмут в капканы.
И на щеках – впервые! вдруг проступает соль.
А перед взором встанут те, кто остался
в Афгане.
Их Светлой Памяти – пью. Скорбно притих
Лимассол.

НОСТАЛЬГИЯ

Одиночество тихо ступает
По пустым коридорам гостиниц.
Дума горькая. Боль тупая
В полночь сердце моё настигнет...

Боль о доме, где крашены ставни,
Где сентябрь - хрустящий и синий.
Вот бы бросить, навек оставить
Бесприютнейший холод гостиниц!

Я рождён под звездою скитаний,
Я покой на дорогу сменял.
Берег юности, берег дальний
Будет звать и манить меня...

Там – трубят журавлиные стаи,
Меня кличет на ужин Аксинья,
Там – в беде никого не оставят,
Там – неведом злой холод гостиниц...

Боль отступит уже под утро,
Солнце тронет мечети чужбин.
И сквозь сон, и тревожный, и трудный,
Мне привидятся те, что любил...

Мне милее Парижа, Марселя
Снег сибирский моей Палестины!
Одиночество стелет постель мне
В диком холоде старых гостиниц...

НЕТ ИСХОДА

Я куплю в магазине два шкалика,
Хлеб, «Родопи» и сыр, и пиво.
Помяну в эту ночь Гену Жарикова
А под утро – Саню Анфилова.

Эх, махнуть на Байкал бы, в походик!
А не жизнь превращать в барахло...
Буду бредить утиной охотой,
На речной садясь паролод.

А потом побегу, как ошпаренный
К тем, с кем дар в кабаках пропил.
И с укором глядит Гена Жариков.
И свой взор отводит – Анфилов.

По ночам я пишу о пропавших
Там, в Афгане, нет даже могил...
Будет верить в меня – Гена Жариков
И еще, стопудово – Анфилов!

...»Духи» ждали в засаде анашой ушатаны,
Что-то там про Аллаха истошно вопили.
Но, злым кубарем вниз, АКМ-ом ужален.
Спину мне прикрывали – Жариков и Анфилов...

Боль в рассказах моих – зашкалит!
Безнадёга – по сердцу крапивой!
Но протянет мне руку Жариков
И плечо подставит Анфилов...

Время метит мне в сердце шпалером.
В моих снах «духи», змеи, вампиры.
Но прошепчет: «Крепись, браток!» - Жариков,
И добавит: «Держись!»- Анфилов.

Под столом опрокинуты шкалики.
«Пять утра» на часах пробило.
Будет сон мой тревожен... И Жариков
Покурить выйдет с Саней Анфиловым...

СЕРЖАНТУ НИКТО НЕ ПИШЕТ

Рядовые дождя стровой шаг чеканят по крыше.
Я забросил в кювет свой афганский «на смерть»
медальон.

В эту хмурую осень никто, брат, сержанту
не пишет.
Мимо хаты его, отвернувшись, идет почтальон.

Я холодную воду с бодуна пью стаканами жадно
Я нестрижен-небрит. Абдулла, блин, из фильма!
Басмач!

Вот уж целую вечность никто не приходит
к сержанту,
Вот уж целую вечность он живет в ожидании
письма...

Раз в неделю приносит ему «беломора» и хлеб,
и консервы
Антонина, соседка его, продавщица
сельпо.
Свежих белых снегов, словно сдачку, зашлет ему
Север.
Серж с утра и до ночи листает свой
дембель-альбом.

Кот Баюн с голодухи убежал на пекарню –
вот ржачка!
Эх, махнуть бы к Олегу! Там охота, рыбалка,
Чулым.
Ворох сорванных листьев швыряет сентябрь
в сержанта
И в нетопленной хате – холодрыга! Не пахнет
жилым.

Я песчинкой вселенной в листвовете осеннем
растаю,
В придорожном кафе душу грею коктейлем
двойным.
Серж листает альбом, словно книгу судеб!
Пьет, листает...
И глядят с фотографий пацаны из далекой
войны.

Брат! Мостки моей памяти обветшали, непрочны
и шатки...
Я опять завалюсь, как Ми-8! – в Баграм
и Шинданд.
Там приходят мне письма безусому в лычках
сержанту,
И я каждому слову, словно капельке Родины –
рад!

У меня на столе аж до дырок зачитанный
Маркес.
Под столом рать бутылок «Столичной»,
«Посольской», коньяк.
Над столом фотки Хема, Уайльда, Ремарка.
И кругом – «бардельеро», разбитый в хамину кальян.
А сентябрь, оранжевый фронт, кружит вальсы
на нашей аллее,
Где прощальным пожаром догорают калины
кусты,

Где Оксановы очи, словно яхонты ночью

горели,
В том далеком апреле, где нет ни «Прощай...»,
ни «Прости...»

Время нынче шайтаново. Улетела навек моя
молодость.
И непросто признать в третьем слева –
в панаме меня.
Север тучи пригнал – «эскадрилью сибирского
холода».
Рядовые дождя строевой шаг чеканят
три дня.

Я уеду в Чулым из промокшего, грязного города.
«Эй, браток, жми на газ! На вокзал! До упора нажми!»
В жарком небе Афгана моя юность орехом
расколота,
Там, в прицеле у «Стингера», словно муха,
забился наш «Ми»!

Опустевший перрон – ни любви, ни надежды,
ни веры...

Лишь кричит воронье да ветрище сбивает
с пути.

Эх! Почтовый мой голубь, растерял по дороге
конверты.

Их уже никому, никогда, ни за что
не найти.

Рядовые снегов, как разведка, ступают
неслышно.

Я опять проворонил этой ночью их белый визит.
Год за годом идет, а сержанту никто, брат,
не пишет.

Золотой лист берез утонул в непролазной грязи...

ОШИБКИ

Книгу захлопну о взятии Шипки,
Столик накрою. Друг скоро придёт.
Телек врублю, там Сергеевич: «Ошибкой
Был ввод в Афган». Замолчи, идиот!
(Ох, и достала речь комбайнёра!

Сплошь демагогия. Мне не понять.
Эх, счас бы выпить, да нет компаньона!
Саня придет, наверное, в пять...)

Утром собрались ОНИ и решили:
Было не нужно... И, зря, мол, вошли...
Так вот, братишка, мы стали «ошибкой»,
Подвиги наши стране не нужны.

Саня-Ошибка открывает калитку
И улыбнётся: «Привет, Командор!»
(Горы - насквозь нашей кровью пролиты!
А ты про «ошибку» несёшь, комбайнёр!)

- Ну, проходи. Я заждался. С обеда
Всё к остановке ходил. Променад.
- Жданки прождал все? Ох, бедный ты, бедный.
На вот «Столичную», хлеб, маринад.

Радостью сердце – приехал – прошито.
Долго не виделась. Чья в том вина?
Буду молчать я ему про «ошибку»,
Будем друзей и Афган вспоминать.

Кольку-Ошибку и Юру-Ошибку,
Рыжий - ошибочно лёг там навек...
Мысли роятся. Мне станет паршиво.
Я посмотрю в поднебесье. Наверх.

120 - Нет, БМП - это круто! - Машина!
- Стингеры! - кто их привёз? - Педераст!
«Как Ваша жизнь?» - спросит Юра-Ошибка,
Из облаков глядя грустно на нас...

- Памятник Лёхе отвёз я в Каширу,
Скажет Санёк. Я «Ора!» закурю.
А в голове моей: Гады! Ошибка!
- Что ж ты, братишка, задумчив? Угрюм?

Саня гитару возьмёт: Эй, «Тошибу»
Ты погаси. Я «Посольской» налью.
В снежной ночи сидят две Ошибки
И «Мы уходим!» - негромко поют...

